

18+

Ася Большакова

Белый шум

«Автор»

2026

Большакова А.

Белый шум / А. Большакова — «Автор», 2026

Группа военных оказывается отрезанной от внешнего мира в глухом зимнем лесу. Связи с командованием нет, рация ловит только белый шум, а попытки выбраться по карте и приборам заканчиваются возвращением в ту же точку. Постепенно герои начинают замечать странности: звуки не возвращают эхо, следы ведут в никуда, а атаки противника оборачиваются стрельбой по собственным теням. Майор (позывной «Мешок») берёт на себя инициативу и отправляется в разведку, где находит заброшенный маяк с признаками недавнего пребывания людей. Там он обнаруживает старые записи, которые указывают на то, что время в этом месте ведёт себя непредсказуемо. Чтобы спасти отряд, героям предстоит разобраться в природе аномалии, противостоять собственному отчаянию и принять трудное решение — кого спасти, а кого оставить.

© Большакова А., 2026

© Автор, 2026

Ася Большакова

Белый шум

Белый шум

I

Зима в этом году выдалась снежной и морозной. Это единственное, в чём я был уверен. Деревья, укутанные до середины стволов снежным одеялом, прятались в низинах. Окружённые холмами, они создавали дополнительные места, где можно было укрыться и даже переночевать, не боясь замёрзнуть. Нависающие мохнатые снежные лапы с деревьев создавали шикарные убежища, и всего-то надо было аккуратно подлезть внутрь – ночлег готов. А если удачно развести костёр, то запёкшийся снег создавал купол не хуже крыши дома. Весело присвистывая, январский ветер обходил эти лощины и устремлялся к открытым просторным полям, переметая старый снег. Тусклое солнце висело в небе безжизненным блином, и я в сотый раз ловил себя на мысли, что оно никогда не меняет своего положения на небосводе. Просто висит и тускло светит, будто кто-то забыл выключить лампочку. Снег хрустел под лыжами, но звук был глухим, ватным. Эхо в этом лесу никогда не возвращалось.

Я будто хорошо зная эти места, прекрасно ориентировался. Но это неврождённая чуйка. Что-то похожее на мышечную память, будто я уже много раз ходил по этим лесам, хотя был здесь впервые. Наверное, я видел, как вели себя животные и птицы в лесу, инстинктивно следуя их повадкам. В животе скулило, но останавливаться было нельзя. Пальцы на руках и ногах я отморозил и не чувствовал совсем. Варёжки потерял ночью, петляя между озёр. Я уговаривал себя, что осталось совсем чуть-чуть, до базы ещё немного, но силы покидали меня.

Взглянув на наручные часы, я поймал себя на мысли, что не так уж я сильно сдал. Десять километров за два с половиной часа – это, можно сказать, мой личный рекорд, хотя соревноваться мне было совершенно ни к чему. Связи с отрядом не было. Рация ловила только монотонный белый шум, в котором проскальзывали обрывки наших же вчерашних переговоров. Мой ТП (тактический планшет) неизменно показывал нули, но я, периодически, всё же экономя энергию, его включал, в надежде на загрузку хотя бы карт местности.

Сумерки наступали быстро, солнечный блин растворился, и леденящая мгла окутывала всё вокруг. Когда я вырвался из лап леса, увидел, уже недалеко огоньки кострищ. Эх, бестолковые, никакой маскировки. Я вмиг сосчитал количество людей, и даже, подойдя ближе, услышал разговоры.

– ...Торчим, мёрзнем как дураки, – хрипло, часто затягиваясь сигаретным дымом, бубнил мужик, похожий на Карлсона: маленький, толстый, с лысиной на макушке и рыжими кучеряшками на висках. – Какой смысл от этой операции? Мы месяц сидим здесь. Пора признать – задание мы провалили.

– Ничего не провалили ещё! – худощавый пацан шевелил угли палкой, нащупал что-то, дёрнул – выкатил на снег свёрток в фольге. Схватил и, перекидывая из руки в руку, торопливо разворачивал. – Мешок вернётся, расскажет обстановку.

– Курево кончается, – сплюнул Свисток.

– Бросать надо, давно говорил!

– Мешо-о-ок! – радостно завопил пацан, не выпуская горячую картошку из рук.

– Тише ты, болван, ты чего орёшь как резанный? Вас за километр слышно.

Я снял ставшие уже ненавистными лыжи, отбросил их в сторону, стянул рюкзак со спины. Малец сунул картошку в рот, выбросил в костёр кожуру с фольгой. Весело перепрыгнув, схватил рюкзак.

– Ну, как там? Тишина?

Я махнул рукой и поплёлся в палатку к Трубадуру. Мне надо было срочно согреть конечности. Васька, наш повар, он же завхоз, он же Трубадур, в душе был пацифистом, поэтому в лагере заправлял хозяйством.

Трубадур, после короткого приветствия за руку, по моему лицу всё понял и без лишних вопросов засуетился. Он метался по большой палатке, нашей столовой, в центре которой стояли столы и скамейки. Хватал тазы, подкидывал дрова, растапливая засыпающую печь. Я развалился на скамейке как на кровати, раскинув руки и ноги в разные стороны, совсем не чувствуя пальцев. Трубадур убежал на улицу, возвращался с вёдрами, полными снега, стучал и звенел посудой.

Вскоре он стал делать странные манипуляции, приговаривая как заклинание: «9 столовых ложек поваренной соли, 1 столовая ложка сеченого листа алоэ, хорошо помятого и перемешанного с солью, и 1 столовая ложка сухой травы чистотела...»

– Э-э-э-э, друг, ты это чего задумал, а? – я смотрел выпученными глазами, как парень ловко эту смесь положил на кусок бинта, сложенного в несколько раз, и прижал сначала к ногам. Я застонал от нестерпимой боли. – М-м, етить твою налево. Угорел совсем? Ты где алоэ с чистотелом взял? Не забыл, что ты солдат, а не древняя травница?

Трубадур пыхтел, не обращая внимания на мои слова. Буквально через полчаса я был похож на мумию. Очевидно, что накладывать повязки его никто не учил, и мне вообще не стоило шевелиться, если я хотел остаться в них.

– Ночь продержаться надо. Садись, умою и накормлю.

Я начинал чувствовать, как мои руки и ноги теплеют. Новоиспечённый хирург мокрым полотенцем шкрябал по моему заросшему щетиной лицу, предварительно намылив его.

– А чего тихо так? – спрашивал я о событиях последних дней с набитым ртом, жуя рагу с тушёнкой.

– Да как ты ушёл и тишина. Мелкий и Свисток в разведку ходили, только следы обнаружили. Ползают вокруг нас, падлы, вынюхивают, – Трубадур не умел злиться по-настоящему и когда ругался, это выглядело забавно.

– Хорошо, что так. Передышка нужна обдумать всё, – Я хотел выпить водки, но Трубадур, воспользовавшись моим немощным положением, налил какой-то настойки (на черноплодной рябине с черёмухой, где он её нашёл только?) и давал мне её пить с ложечки, правда, столовой.

– Я тебе постелю здесь, чтоб ты рядом был. Наблюдать буду за твоим самочувствием. Вдруг температура поднимется или ещё чего, – он опять засуетился, пару раз стукнувшись о скамейку, но даже не обратив на это внимания. – Если что, ты это, не стесняйся, я и в туалет смогу помочь.

Несколько раз к нам в палатку пытались пробраться ребята и расспросить меня, но мой Доктор Пилюлькин, выгонял всех со словами, что «больному нужен покой». Я всерьёз стал опасаться, что он может «прописать» мне касторки. А я её с детства не любил, с тех самых пор, как научился читать.

Ночью у меня поднялась температура, и сам бы ни за что бы ни понял, что с ней делать. Я обмяк и ослаб, сознание превратилось в желе.

– Стоило оно того? – ворчал Трубадур, пичкая меня какими-то таблетками, растирая моё трясушееся тело.

– Стоило, Васька, стоило. Я спирта, почти два литра, принёс для твоих настоек. А главное, нашёл-таки реальную карту местности, – говорить было тяжело, сохло во рту и дико знобило. Про фотографию я умолчал почему-то.

II

Уже под утро Трубадур сбил мне температуру, и я уснул сладко и безмятежно. Где-то вдали слышал, как тихонько звенела посуда, потом почувствовал запах каши и какао, но всё это примешивалось в сон и делало его наполненным и красочным.

Проснулся от шума. В столовой галдели пятнадцать мужиков, перебивая друг друга и громко хохоча. Я попытался подняться, но, забыв, что руки и ноги замотаны бинтами, сделал это максимально неуклюже. Ко мне заглянул Трубадур и радостно поприветствовал. На его лице не было и тени усталости, как будто он тоже спал себе спокойно, а не возился со мной и не готовил потом завтрак на всю нашу ораву.

Когда он меня размотал, я с удивлением обнаружил, что и намёка на обморожение конечностей нет. Кожа была немного мягкой, какой бывает после бани, но никакого дискомфорта, боли или других симптомов, не было.

– Ну, волшебник! – воскликнул я, любуясь на свои «новенькие» руки. Но восторг тут же сменился недоумением. Я смотрел на свои чистые, розовые ладони. Это было ненормально. Так не заживают обморожения второй степени. Словно кто-то заменил повреждённую ткань. Эта мысль была неприятной, и я никак не мог от неё отделаться.

– Ой, да ладно, я с одним профессором однажды в поезде ехал, он мне много всего пона-рассказывал, а я записал. Вот, пригодилось! – покраснел от смущения Трубадур. – Алоэ и травы у меня ещё из дома припасены. Бабка знахаркой была, учила меня премудростям.

Я оделся, вышел к народу – меня встретили восторженными воплями. Мелкий бросился ко мне, с разбегу наскочив и чуть не повалив меня на пол.

– Э-э-э-э, хорош! Он ещё очень слаб, конечности отморозил, восстановление займёт месяц, не меньше! – запричитал Трубадур.

Меня охватило давно забытое ощущение счастья! Эти ребята были моей семьёй. Я перед ними как открытая книга, готовый порвать и растерзать зубами любого, кто посмеет тронуть их.

Во главе стола постучали ложкой о металлическую миску:

– По местам! К приёму пищи приступить! Вас ждут остальные, – скомандовал мордово-рот с абсолютно седой головой, хотя на вид ему было не больше сорока пяти лет. – Что же вы, товарищ майор, устроили тут лазарет из столовой? Провоняли всю палатку непонятно чем, нарушаете распорядок, мешаете нести службу бойцам!

– Ах ты, дырявый носок! – я подошёл к мордвороту, тот резко встал, и мы по-братски крепко обнялись. – Всё бухтишь, Грустный? Порадовался бы, что ли! Я еле дошёл! Вышел по заячьим следам и карту добыл! Старую, ещё с пометками чьими-то!

– От эт хоршо-о! – довольно погладил себя по животу мордворот. Грустный был не просто опытным, он был матёрым. Его судьба закидывала в самую гнусную реальность, которая могла вообще быть, и он всегда выходил из неё сухой, не запачканный.

В звании он был прапорщиком, но от карьерного роста отказывался – меньше спроса. А уважали его все, независимо от ранга, чина или звания. Мы с ним много лет шли бок о бок, доверяя друг другу, как себе. Единственным и существенным минусом было его депрессивно-негативное мышление. Сам он говорил, что думает, как реалист. Но все вокруг страшлись его пессимистичных прогнозов ещё и потому, что они часто сбывались. И если Грустный орал: бежим! лежать! или замри! делали так беспрекословно, иначе – смерть была неминуемой. Да уж, скорее плюс, чем минус, но слушать его пророчества обречённости было невыносимо. Я его в этом плане разбавлял и ребяческий дух в лагере поддерживал.

– Так, давай ешь быстрее и за дело! Пока ты там прохлаждался, мы тут от скуки чуть не сдохли, – Грустный развалился на скамейке и полужёжа ел, тем самым стеснив ребят. – Пока тебя не было, нам с вертолёта кинули припасов, батарейки, тушёнка – американская, между прочим. Странно только ящик был старый, обшарпанный, краска облезла. И маркировка на нём какая-то затёртая, не наша. Как с какого-то старого склада.

После завтрака мы вышли на улицу и стояли с Грустным вдвоём, синхронно поставив руки в боки и плясая на малиновый, размазанный по всему небу, рассвет. Снежные поля тоже окрасились в цвет неба, и нас окружала нереальная природа кислотных тонов. Солнце светило как-то не так, криво, будто, не вписываясь в этот цветовой ансамбль. На деле это был холодный бледный шар, который вселял надежду и веру в светлое будущее, только и всего.

Вся эта авантюра казалась нелепой. В декабре на Кольском полуострове пропала группа туристов – любители охоты на снегоходах. Среди них был сын подполковника ФСБ. И папаша поднял на уши всех. Сначала отобрали отряд лучших спасателей, снабдили их новейшим обо-

рудованием, произвели заброску по последним координатам группы. Но когда спасатели на следующий день, да и потом не вышли на связь, у подпола началась агония. Он организовал самую настоящую военную операцию. Официально провёл по документам и, совместно с учёными, спасателями и другими всевозможными специалистами собрал нашу группу. Поговаривали всякое, даже прищельцев приплетали особенно впечатлительные. Моё воспитание не позволяло мне сомневаться в отдаваемых мне приказах, и я был один из тех, кто радовался боевому заданию. Нас бросили сюда с вертолётa вместе с необходимыми вещами, включая оружие для того, чтоб мы разбили лагерь, обосновались и, тщательно изучив местность, выяснили, что произошло. На полёте наш вертолёт попал в зону высокой турбулентности, хотя небо было ясным. Выпрыгивали мы в спешке, вещи выкидывали не глядя, в нарушение всех возможных инструкций. Грустный тогда так орал, что ещё недели две потом команды личному составу отдавал шёпотом. И ведь с самого начала всё было неправильно. А мы, как слепые, полезли в эту ловушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.